

Тургенев улыбается

Представляемый проект – подборка выдержек из произведений писателя, в которых он дает образцы юмористической формы воздействия на читательское сознание. Надеемся, что они разрушают привычный стереотип восприятия творчества Тургенева как чего-то назидательного и скучного.

Я каюсь, - я скитался сам
По вечерам да по балам,
Завитый, в радужном жилете,
И барышень «имел в предмете».
И память верная моя
Рядком проводит предо мною
Те дни, когда, бывало, я
Сиял уездною звездой...

«Помещик»

...Нет, не жду я кары гувернера,
И не жаль мне нынешнего дня,
Не хочу я брани и укора,
Я б хотел, чтоб высекли меня!

Но не тем сечением обычным,
Как секут повсюду дураков,
А другим, какое счел приличным
Николай Иваныч Пирогов;

Я б хотел, чтоб для меня собрался
Весь педагогический совет
И о том чтоб долго препирался, -
Сечь меня за Лютера иль нет...

«Грустная дума гимназиста лютеранского исповедания
и не Киевского округа»

...Скажи мне, кто владел тобою
И что он был за человек?
С тяжелой, легкой ли рукою,
А главное – кого ты сек?

Стегал ли ты клячонки жалкой
Хребет и впалые бока?

Иль, мирно чередуясь с палкой,
Гулял по <...> мужика?..

И что б ни делал ты доньне,
Привет тебе, усердный мой,
Опора трона, друг святыни,
Символ страны моей родной.

«Кнут»

Потом с задумчивым вниманьем
Смотрел – как боров о забор
С эгоистическим стараньем,
Зажмурил глазки, спину тёр...

«Помещик»

О вы, которым два целковых
Дается в год на башмаки,
И вы, небритые полки
Угрюмых, медленных дворовых!

«Помещик»

Красноречиво, важно, долго
Им толковал о чувстве долга,
Потом побил их – но слегка...
Легка боярская рука...

«Помещик»

Увы! Бессильно негодуя,
На лик задумчивый гляжу я...
Быть может, этот истукан –
Эсхил, Сократ, Аристофан...
И перед ним уже седьмое
Колено тучных добряков
Растет и множится в покое –
Среди не чуждых им клопов!

«Помещик»

Калужская деревня большею частью окружена лесом; избы стоят вольней и прямей,
крыты тесом; ворота плотно запираются, плетень на задворке не размечан и не
вываливается наружу, не зовет в гости всякую прохожую свинью...

«Хорь и Калиныч»

Водились за ним, правда, некоторые слабости: он, например, сватался за всех богатых
невест в губернии и, получив отказ от руки и от дому, с сокрушенным сердцем доверял
свое горе всем друзьям и знакомым...

«Хорь и Калиныч»

...завел у себя в доме французскую кухню, тайна которой, по понятиям его повара,
состояла в полном изменении естественного вкуса каждого кушанья: мясо у этого
искусника отзывалось рыбой, рыба – грибами, макароны – порохом; зато ни одна
морковка не попадала в суп, не приняв вида ромба или трапеции.

«Хорь и Калиныч»

...между бревнами и по косякам окон не скиталось резвых прусаков, не скрывалось
задумчивых тараканов.

«Хорь и Калиныч»

Федя, не без удовольствия, поднял на воздух принужденно улыбающуюся собаку и положил ее на дно телеги.

«Хорь и Калиныч»

Корова подошла к двери, шумно дохнула раза два, собака с достоинством на нее зарычала; свинья прошла мимо, задумчиво хрюкая...

«Хорь и Калиныч»

Особенное удовольствие доставлял он поварам, которые тотчас отрывались от дела и с криком и бранью пускались за ним в погоню, когда он, по слабости, свойственной не одним собакам, просовывал свое голодное рыло в полурастворенную дверь соблазнительно теплой и благовонной кухни.

«Ермолай и мельничиха»

...Аксинье поручили надзор за тирольской коровой, купленной в Москве за большие деньги, но, к сожалению, лишенной всякой способности воспроизведения и потому со времени приобретения не дававшей молока...

«Малиновая вода»

Он перекрестился, вздохнул и начал есть, как акула.

«Мой сосед Радилов»

Дом у него в порядке необыкновенном; даже кучера подчинялись его влиянию и каждый день не только вытирают хомуты, но и самим себе лицо моют.

«Бурмистр»

Заметим, кстати, что с тех пор, как Русь стоит, не бывало еще на ней примера раздобревшего и разбогатевшего человека без окладистой бороды; иной весь свой век носил бородку жидкую, клином – вдруг, смотришь, обложился кругом словно сияньем, - откуда волос берется!

«Бурмистр»

...присоединился к нам земский Федосеич, отставной солдат с огромными усами и престранным выражением лица: точно он весьма давно тому назад чему-то необыкновенно удивился да с тех пор уж и не пришел в себя.

«Бурмистр»

...Софрон...к кирпичному скотному двору прилепил нечто вроде греческого фронтона и под фронтоном белилами надписал: «Пастроен вселе Шипилофке втысеча восем Сод саракавом году. Сей скотный дфор».

«Бурмистр»

На одной изображена была легавая собака с голубым ошейником и надписью: «Вот моя отрада»; у ног собаки текла река, а на противоположном берегу реки под сосною сидел заяц непомерной величины. На другой картине два старика ели арбуз; из-за арбуза виднелся в отдалении греческий портик с надписью: «Храм Удовлетворения». На третьей картине представлена была полунагая женщина в лежачем положении, с красными коленями и очень толстыми пятками.

«Контора»

Собака моя, нимало не медля, с сверхъестественными усилиями залезла под диван и, по-видимому, нашла там много пыли, потому что расчихалась страшно.

«Контора»

На крылечке темного и гнилого строения, вероятно бани, сидел дюжий парень с гитарой и не без удали напевал известный романс:

Э-я фа пасатыню удаляюсь

Ата прекарасных седешенеха мест...

«Контора»

Гостей принимает очень радушно и угощает на славу, то есть благодаря одуряющим свойствам русской кухни, лишает их вплоть до самого вечера всякой возможности заняться чем-нибудь, кроме преферанса.

«Два помещика»

- Че-о-эк, трубку! – произнес в галстух какой-то господин высокого роста, с правильным лицом и благородной осанкой, по всем признакам шулер.

«Лебедянь»

Но молодость взяла свое: в одно прекрасное утро проснулся он с такой остервенелой ненавистью к своей «сестре и лучшему другу», что едва, сгоряча, не прибил своего камердинера и долгое время чуть не кусался при малейшем намеке на возвышенную и бескорыстную любовь...

«Татьяна Борисовна и ее племянник»

Вычитал он однажды в «Московских ведомостях» статейку харьковского помещика Хряка-Хруперского о пользе нравственности в крестьянском быту и на другой день отдал приказ: всем крестьянам немедленно выучить статью харьковского помещика наизусть.

«Чертопханов и Недопюскин»

Судьба замотала его, словно зайца на угонках.

«Чертопханов и Недопюскин»

Судьба, неотступно терзавшая Недопюскина-отца, принялась и за сына: видно, разлакомилась.

«Чертопханов и Недопюскин»

Филофей ничего ему не возразил, как бы сознавая, что называться Филофеем точно не совсем ловко и что за такое имя даже упрекать можно человека, хотя, собственно, виноват тут поп, которого при крещении не ублаговторили как следует.

«Стучит!»

Обоим братьям непременно хотелось запрячь в корень «чалого», потому что «ён с горы спущать могит», но Филофей решил: кудластого! Так кудластого и заложили в корень.

«Стучит!»

Озлобленный противу всего и всех – особенно против женщин – он бранился с утра до вечера, иногда очень метко, иногда довольно тупо, но всегда с наслаждением.

«Рудин»

– А уж мы, брат, с тобой просто переродимся; так наслаждаться будем, брюханами такими назад приедем, что никакая любовь нас уже не примет!

«Рудин»

– Вы думаете, что я чурбан, чурбан совершенный, деревяшка какая-то; а известно ли вам, что я способен таять, как сахар, дни простаивать на коленях?

«Рудин»

Какой бы удар ни поразил человека, он в тот же день, много на другой – извините за грубость выражения – поест, и вот вам уже первое утешение...

«Рудин»

Перед лошадью его бежали две огромные дворные собаки: одна желтая, другая серая; он недавно завел их. Они беспрестанно грызлись и жили в неразлучной дружбе.

«Рудин»

...как-то раз, встретив на улице девушку, слегка похожую на нее, пустился бежать без оглядки и отдохнул только в кондитерской, за пятым слоеным пирожком.

«Андрей Колосов»

...угощения бедного Петра Васильича выходили всегда неудачны и большей частью ограничивались куском зачерствелого балыка и рюмкой водки, о которой он отзывался совершенно справедливо, говоря, что она отлична *против* желудка.

«Два приятеля»

Словом, Софья Кирилловна принадлежала к числу тех женщин, которых любезники величают ловкими дамами, мужа – боевыми особами, а старые холостяки – разбитными бабенками.

«Два приятеля»

Наконец, она запела, как большей частью поют барышни, - визгливо и не без завываний.

«Два приятеля»

Дом свой мать Литвинова также построила на европейскую ногу; слугам говорила «вы» и никому не позволяла за обедом наедаться до сопения.

«Дым»

Литвинов тотчас признал их за русских, хотя они все говорили по-французски... потому что они говорили по-французски.

«Дым»

...весь поколебленный быт ходил ходуном, как трясина болотная, и только одно великое слово «свобода» носилось как божий дух над водами.

«Дым»

И по наружности Пищалкин стал походить на древнего мудреца: волосы его на темени вылезли, а пополневшее лицо совершенно застыло в какое-то величавое желе уже ничем не обузданной добродетели.

«Дым»

Один мой приятель, препотный и, доложу вам, не малого чина человек, говаривал: что нонеча, мол, курица, и та с хитростью к зерну приближается – всё норовит, как бы сбоку подойти.

«Дворянское гнездо»

Ведь она, говорят, и с артистами, и с пиянистами, и как их там по-ихнему, со львами да со зверями знакомство вела.

«Дворянское гнездо»

Поставят тебе, рассказывала она в старости, войлочный шлык на голову, волосы все зачешут кверху, салом вымажут, мукой посыплют, железных булавок натыкают – не отмоешь потом; а в гости без пудры нельзя – обидятся, - мука!

«Дворянское гнездо»

...в генерале врожденное всем русским добродушие еще усугублялось тою особенного рода приветливостью, которая свойственна всем немного замаранным людям...

«Дворянское гнездо»

Он приподнялся со стула и вдруг весь повеселел и распустился, словно подарок получил.

«Новь»

Всё его изящество испарялось мгновенно; нежные глазки зажигались недобрым огоньком; красивый ротик выпускал некрасивые слова – и взывал – с пискон взывал к начальству!

«Новь»

...то чувство, которое выразилось на лицах у обоих, было чувство хорошее и правдивое, хотя у ней оно светилось в очах, достойных Рафаэля, а у него в простых генеральских «гляделках».

«Новь»

...дьякон (ему был поручен надзор над школой) – человек атлетического сложения и с длинной волнистой косою, смутно напоминавшей расчесанный хвост орловского рысака, хотел выразить свое одобрение; но, не сообразив силы своей гортани, так густо крикнул, что и сам оробел и других испугал.

«Новь»

Политикой он не занимался, почитывал кое-какие книжки, играл от скуки на флейте и боялся барышень.

«Новь»

– Мой зять всё в государственные люди метит, а только за ним и есть, что в карты отлично играет.

«Новь»

Валентина Михайловна была дочь очень ограниченного и не бойкого генерала, с одной звездой и пряжкой за пятидесятилетнюю службу, и очень пронырливой и хитрой малоросски, одаренной, как многие ее соотечественницы, крайне простодушной и даже глуповатой наружностью, из которой она умела извлечь всю возможную пользу.

«Новь»

В одном из писем находилось и социалистическое стихотворение, обращенное к одной девушке и начинавшееся словами:
Люби не меня – но идею!

«Новь»

И кучер у Субочевых был чрезвычайно древний, пропитанный запахом ворвани и дегтя старик; борода начиналась у него близ самых глаз – а брови падали маленьким каскадом на бороду.

«Новь»

...экспромт проезжего капитана в 1790-м году, «Маия в шестый день»:
Никогда я не забуду!
Тебя, любезное село!
И вечно помнить буду!
Приятно время так текло!
Которое имел я честь!
У владелицы твоей!
Пять лучших в жизни дней!
В почтеннейшем кругу провести!
Среди множества дам и девиц,
И прочих антересных лиц!

«Новь»

На последней странице альбома стояло – вместо стихов – рецепты от желудка, спазмов – и – увы! даже от глистов.

«Новь»

...когда кучер выпил водки или с уверенностью ждет ее – лошади бегут отлично.

«Новь»

– Вы будете чумичкой горшки мыть, щипать кур... А там, кто знает, может быть, спасете отечество!

«Новь»

Павел, получивший все нужные инструкции, принял полицейских чиновников с величайшим подобострастием и таковым же глумлением, – так что те не знали, благодарить ли его, или тоже арестовать?

«Новь»

Когда у нас, лет десять тому назад, забежавшую гиену убили, так ведь это Антон Карлыч открыл, что она действительно была гиена, по причине особенного устройства ее хвоста.

«Затишье»

– Агей Фомич, - повторил Бодряков, -
...недаром славно
Дворянским выбором почтён:
Он пьет и кушает исправно...
Так как же не исправник он?

«Затишье»

– А в мою деревню, - прибавил он, - не говорю уж малое дитя, первая встречная, смею сказать, курица или баба вам дорогу укажет, стоит только спросить Ипатовку.

«Затишье»

– Да так же-с, - спокойно отвечал Стрельчинский, положил руку за пазуху и раздул ноздри. – Не намерен, да и только.

Владимир Сергеич тоже положил руку за пазуху, но ноздрей не раздул.

«Затишье»

Молодой этот господин слыл по всей губернии за человека, до тонкости изучившего все обычаи и уставы высшего света, хотя он в Петербурге прожил всего шесть месяцев и выше домов коллежского советника Сандараки и зятя его статского советника Костандараки проникнуть не успел.

«Затишье»

С каким лицом он начал мазурку, как поволок за собой свою даму, как ударял притом ножкой в пол и вздергивал головой – описать всё это едва ли не выше пера человеческого.

«Затишье»

Он пел жиденским тенором новейшие романсы, острил весьма развязно, и хотя сложенья был худощавого, однако кушал весьма много.

«Затишье»

«Я квам обращаюсь, - писала она, - как благородная дама хблагородной даме, и при том мне приятно воспользоватца сим случаем».

«Первая любовь»

...Беловзоров с каждым днем становился все грознее и глядел на увертливого графа, как волк на барана...

«Первая любовь»

Смолоду его занимали две мечты: попасть в флигель-адъютанты и выгодно жениться: с первой мечтой он скоро расстался, но тем крепче держался за вторую.

«Накануне»

Будучи только прапорщиком, он уже любил настойчиво поспорить, например, о том, можно ли человеку в течение всей своей жизни объездить весь земной шар, можно ли ему знать, что происходит на дне морском, - и всегда держался того мнения, что нельзя.

«Накануне»

Она очень недурно пела русские романсы, чистенько разыгрывала на фортепьяно разные то веселенькие, то чувствительные штучки; одевалась со вкусом, но как-то по-детски и уже слишком опрятно.

«Накануне»

Так два малознакомых господина, встретившись на Невском, внезапно оскалят друг перед другом зубы, приторно съезжат глаза, нос и щеки и тотчас же, миновав друг друга, принимают прежнее, равнодушное или угрюмое, большею частью геморроидальное, выражение.

«Накануне»

– А теперь я сейчас, сей минутой уйду, только вот нушна, штоп эта фрейлейн, не эта мадам, нет, эта не нушна, а вот эта или эта (он указал на Елену и Зою) дала мне einen Kuss, как мы это говорим по-немецки, поцалуйшик, да; что ж? это ничего.

«Накануне»

– Что же ты не ляжешь? – промолвила Анна Васильевна, которая сама всегда дремала и оттого охотно посылала спать других.

«Накануне»

– Ваш племянничек шумел и орал на весь дом; заперся, для секрета, в спальню, а не только лакеи и горничные, - кучера всё слышать могли!

«Накануне»

– Нет у нас никого, нет людей, куда ни посмотри. Все – либо мелюзга, грызуны, гамлетики, самоеды, либо темнота и глушь подземная, либо толкачи, из пустого в порожнее переливатели да палки барабанные!

«Накануне»

Сезон в Венеции миновал, и все певцы не возвышались над уровнем посредственности; каждый кричал, во сколько хватало сил.

«Накануне»

Курнатовский, как человек с темпераментом и, в качестве энергического брюнета, охотник до милovidных блондинок, женился на Зое; она у него в большом повиновении и даже перестала думать по-немецки.

«Накануне»

Николай Петрович поник головой и начал глядеть на ветхие ступеньки крылечка: крупный пестрый цыпленок степенно расхаживал по ним, крепко стуча своими большими желтыми ногами; запачканная кошка недружелюбно посматривала на него...

«Отцы и дети»

– ...он всякому рад помочь и, между прочим, всегда вступает за крестьян; правда, говоря с ними, он морщится и нюхает одеколон...

«Отцы и дети»

Недавно заведенное на новый лад хозяйство скрипело, как немазаное колесо, трещало, как доделанная мебель из сырого дерева.

«Отцы и дети»

Он был тоже из «молодых», то есть ему недавно минуло сорок лет, но он уже метил в государственные люди и на каждой стороне груди носил по звезде.

«Отцы и дети»

Он даже следил, правда с небрежной величавостью, за развитием современной литературы: так взрослый человек, встретив на улице процессию мальчишек, иногда присоединяется к ней.

«Отцы и дети»

– Я могу тебе теперь повторить, - говорил, лежа в постели, Аркадий Базарову, который тоже разделся, - то, что ты мне сказал однажды: «Отчего ты так грустен? Верно, исполнил какой-нибудь священный долг?»

«Отцы и дети»

У первой избы стояли два мужика в шапках и бранились. «Большая ты свинья, - говорил один другому, а хуже малого поросенка». – «А твоя жена – колдунья», - возражал другой.

«Отцы и дети»

- Пожалуй; только ты не смотри на меня: всякого человека лицо глупо, когда он спит.

«Отцы и дети»

Управляющий вдруг обленился и даже начал толстеть, как толстеет всякий русский человек, попавший на «вольные хлеба».

«Отцы и дети»

Она похудела от непрестанной внутренней тревоги и, как водится, стала еще милей.

«Отцы и дети»

– С тех пор, как я здесь, я препакостно себя чувствую, точно начитался писем Гоголя к калужской губернаторше.

«Отцы и дети»

Покойный Одинцов не любил нововведений, но допускал «некоторую игру облагороженного вкуса» и вследствие этого воздвигнул у себя в саду, между теплицей и прудом, строение вроде греческого портика из русского кирпича.

«Отцы и дети»

...богиню Молчания, с пальцем на губах, привезли было и поставили; но ей в тот же день дворовые мальчишки отбили нос, и хотя соседний штукатур брался приделать ей нос «вдвое лучше прежнего», однако Одинцов велел ее принять, и она очутилась в углу молотильного сарая, где стояла долгие годы, возбуждая суеверный ужас баб.

«Отцы и дети»

В свежем шелковом платье, с широкою бархатною наколкой на волосах, с золотою цепочкой на шее, она сидела почтительно-неподвижно, почтительно к самой себе, ко всему, что ее окружало, и так улыбалась, как будто хотела сказать: «Вы меня извините, я не виновата».

«Отцы и дети»

Он совсем окоченел от глупости и важности, произносит все Е как Ю: тюпюрь, обюспючюн, но тоже женился и взял порядочное приданое за своею невестой, дочерью городского огородника, которая отказала двум хорошим женихам только потому, что у них часов не было: а у Петра не только были часы – у него были лаковые полусапожки.

«Отцы и дети»

Он ничего русского не читает, но на письменном столе у него стоит серебряная пепельница в виде мужицкого лаптя.

«Отцы и дети»

Она по-прежнему якшается со студентами, особенно с молодыми русскими физиками и химиками, которыми наполнен Гейдельберг и которые, удивляя на первых порах наивных немецких профессоров своим трезвым взглядом на вещи, впоследствии удивляют тех же самых профессоров своими совершенным бездействием и абсолютною ленью.

«Отцы и дети»

– Потому, говорит, как же возможно! Тут у меня в светлице на стене сама владычица пребывать изволит, и тут же пес поганый свое нечестивое рыло оставит.

«Собака»

– И так мне стало, господа, приятно: ночь тихая-претихая, только изредка ветерок словно женской ручкой по щеке тебя проведет, свежо таково; сено пахнет, что твой чай, на яблонях кузнечики потрюкивают; там вдруг перепел грянет – и чувствуешь ты, что и ему, канашке, хорошо, в росе-то с подружкой сидючи...

«Собака»

– А какие скачки, какие лансады по саду задавал! Кажется, самая первая танцорка, что у императора Наполеона в день его ангела пляшет, и та за мной бы не угналась.

«Собака»

– Я, признаться, этот револьвер вскоре после эманципации купил, знаете, на всякий случай, - только такой попался бестия разносчик, из трех выстрелов непременно две осечки.

«Собака»

Он до старости носил узкие панталоны со штрипками, перетягивал свой дебелий стан, на затылке стриг, на лбу завивал свои волосы, и усы красил персидскою фабрикой, которая, впрочем, отливала больше багрянцем и даже зеленью, чем чернотой.

«История лейтенанта Ергунова»

...хриплый женский голос спросил что-то по-немецки, чего Кузьма Васильевич не понял: он, как истый моряк, не знал ни одного языка, кроме русского.

«История лейтенанта Ергунова»

– ...отрастили себе брови не хуже тетерева, да и полагают, что чрез то все науки произошли.

«Бригадир»

– Вы не глядите на меня, что я невзрачен есть; у нас тут в городе цыганка живет: рыло рылом – а запоет: гроб! ложись и помирай.

«Бригадир»

Огурец все более задавал форсу:

Скакнул заяц в темный лес –
И охотничкам фост поднес.
Вы, охотнички, простите,
На мой фостик погладите –
Я не ваш!

Огурец уже не пел... Он орал:

Ездили охотнички до су-так...
Разбирали заячий па-сту-пак...
Меж собой все толковали

И друг дружку обругали:
Заяц-то не наш!
Косой обманул!..

Воскликнув во все горло: «Косой обманул!», он перекувырнулся...

«Бригадир»

Господи! Что тут произошло! Точно дикий зверь, который до тех пор лишь изредка ворчал и шевелился в нас, вдруг сорвался с цепи и встал на дыбы, во всей безобразной красе своего взъерошенного загривка.

«Несчастливая»

Кого лупить, за что лупить, он не имел понятия, но ревел неистово.

«Несчастливая»

Помню только, что-то страшно затрещало; помню также остов селетки в волосах старца в капоте, поповскую шляпу, летевшую через всю комнату, бледное лицо Виктора, присевшего в углу, и чью-то рыжую бороду в чьей-то мускулистой руке...

«Несчастливая»

Харлов поднял лист высоко над головой, Анна тотчас проворно опустилась на колени и стукнула о пол лбом; за ней кувыркнулся и муж ее.

«Степной Король Лир»

...фрау Леноре возразила, что она до сих пор так себе представляла Россию: вечный снег, все ходят в шубах и все военные – но гостеприимство чрезвычайное, и все крестьяне очень послушны!

«Вешние воды»

В последнее время в нашей литературе после тщетного описания «новых людей» начали выводить юношей, решившихся во что бы то ни стало быть свежими... свежими, как фленсбургские устрицы, привозимые в Санкт-Петербург...

«Вешние воды»

То было одно из многочисленных доморощенных произведений, в которых начитанные, но бездарные авторы отборным, но мертвенным языком, прилежно, но неуклюже проводили какую-нибудь «глубокую» или «животрепещущую» идею, представляли так называемый трагический конфликт и наводили скуку... азиатскую, как бывает азиатская холера.

«Вешние воды»

Он, между прочим, прикорнул перед клеткой одной из своих канареек, раскрыл дверцы и скомандовал: «На кумпол! Валяй концерт!» Канарейка тотчас вспорхнула, села на кумпол, то есть на голое темя Пунина и, поворачиваясь с боку на бок и потрясая крылышками, защибетала изо всех сил.

«Пунин и Бабурин»

Он вообще смахивал на лошадь: стучал ногами, словно копытами, не смеялся, а ржал, причем обнаруживал всю свою пасть, до самой гортани – и лицо имел длинное, нос с горбиной и плоские большие скулы...

«Часы»

Внутри дома комнаты были наполнены заурядною, нехитрой мебелью; несколько необычным являлся стоявший на окне залы верстовой столбик со следующими надписями: «Если ты шестьдесят восемь раз пройдешь вокруг сей залы – то сделаешь версту; если ты восемьдесят семь раз пройдешь от крайнего угла гостиной до правого угла бильярда – то сделаешь версту» - и т.п.

«Старые портреты»

Правда, общества у него вдоволь водилось и дома: разные Никаноры Никанорычи, Севастеи Севастеичи, Федулычи, Михеичи, все бедные дворянчики в поношенных казакинах и камзолах, часто с барского плеча, проживали под его кровом, не говоря уже о бедных дворяночках в ситцевых платьях, черных платках внакидку и с гарусными ридикюлями в крепко стиснутых пальцах – разных Авдотиях Савишных, Пелагеях Мионовных и просто Феклушках и Аришках, приютившихся на женской половине.

«Старые портреты»

– Надели себе на голову господа военные какие-то там салтаны из петушиных хвостов – и сами петухам уподобились: шею затянули туго-натуго... хрипят, глаза таращат – да и как не хрипеть?

«Старые портреты»

Алексей Сергеич терпеть не мог курительного табаку, да вот еще собак, особенно маленьких. «Ну, коли ты француз, держи себе болонку: ты бегаешь, ты прыгаешь туды-сюды, а она за тобой, задравши хвост... а нашему-то брату на что она?»

«Старые портреты»

Суеверия в нем не замечались; он издевался над приметами, глазом и прочей «нескладицей», однако не любил, когда заяц ему перебежал дорогу – и встреча с попом была ему не совсем приятна.

«Старые портреты»

Он вообще разделял дворян на три разряда: на нужных «коих маловато», на распутных, «коих достаточно», и на беспутных, «коими хоть пруд пруди».

«Старые портреты»

Маланья Павловна обожала своего мужа – и всю жизнь оставалась примерно-верной женой, но был в ее жизни «предмет», молодой племянник, гусар, убитый, как она полагала, на дуэли из-за нее – а по более достоверным известиям, умерший от удара кием по голове в трактирной компании.

«Старые портреты»

Странное дело: этот единственный приятель Аратова, по фамилии Купфер, немец до того обрусевший, что ни одного слова по-немецки не знал и даже ругался «немцем» - этот приятель не имел с ним, по-видимому, ничего общего.

«После смерти» («Клара Милич»)

Публика принялась рукоплескать отчаянно, вызывать... Один семинарист из малороссов, между прочим, так громогласно орал: «Мылыч! Мылыч!» - что его сосед вежливо, с участием попросил его «пощадить в себе будущего протодьякона!»

«После смерти» («Клара Милич»)

– Знаешь – есть такие купеческие дома: в каждом углу киот и лампадка перед киотом, духота смертельная, пахнет кислятиной, в гостиной по стенам одни стулья, на окнах ервань – а придет гость – хозяйка взахается – словно неприятель подступает.

«После смерти» («Клара Милич»)

– Вот был барин так барин! Уж зато, коли ты ему полюбился, али так, час добрый на него найдет, так уж награждает тебя, награждает, ажно тошно становится.

«Безденежье»

– Ох, бывало, говорит, Катерина Савишна, как погляжу я на нынешнюю молодежь – ну! просто руки растопыришь, и только!

«Холостяк»

– ...а уж глаза...и сказать нельзя, что за глаза такие были. С лукошко, батюшка! Так вот, бывало, она и мечет ими, так вот и мечет, так вот и мечет.

«Холостяк»

– Вот вы – другое дело: вы известный собачник; вы, говорят, вашего пса, - прости, господи, мое прегрешение! – в самую морду целуете.

«Завтрак у предводителя»

– Что, у вас в уезде все женщины таковы?

– Бывают и хуже.

«Завтрак у предводителя»

– У Вереницына дочь, зелененькая, знаете, такая, глазки бледненькие, носик красненький, зубки желтенькие, ну, словом, очень любезная девица; на фортепианах играет и сюсюкает тоже, стало быть, все в порядке. За ней двести душ да тёткиных полтора.

«Месяц в деревне»

– Все улепётывают, кто куда, как куропатки, а всё потому, что честные люди...

«Месяц в деревне»

– Это ничего, ваше сиятельство. Это так; женщина, пришла и ушла; к сожалению, пришла. И, к счастью, ушла.

«Провинциалка»

– Вот как между людьми, например, человек бывает натуральный, без образования, одним словом – пахондрик; так и в лошадях.

«Разговор на большой дороге»

– Зачем врать? Пес врёт; за то он и собака.

«Разговор на большой дороге»

– Вот мне в городе леденец продали; говорили, малиной отзываться будет, а в нем и сладости никакой нет; просто один клей туда напихан.

«Разговор на большой дороге»

– Вот, например, хучь медведь: зверь лесной, пространный – а хвост у него – так, с пуговку небольшую; а сорока вот – птица малая, перелетная – а, вишь, хвостище какой нацепила. Да кто ж это поймет? Тут есть мудрость; тут ничего не разберешь: одна надежда на бога.

«Разговор на большой дороге»

– Намеднись ключница зачем-то под вечер в баню пошла – не мыться пошла – баню-то в тот день и не топили, - да и с какой стати старухе мыться, - а так – нужда какая-то приспичила.

«Разговор на большой дороге»

– Известная вещь: без жены человеку быть несвойственно. Жена на то и дана человеку, чтобы служить ему, так сказать, в знак удовлетворения.

«Разговор на большой дороге»

– Ни один из наших актеров не скажет на сцене: «Я люблю вас», не расставив ноги в виде циркуля и не закатив томно глаза.

«Человек в черных очках»

Увы! Люди гораздо ниже Фауста не раз воображали найти наконец блаженство в любви женщины гораздо выше Маргариты, - и вы сами знаете, читатель, каким аккордам разрешались все эти вариации.

«Фауст, трагедия, соч. Гете.
Перевод первой и изложение второй части
М. Вронченко. 1844, Санкт-Петербург»)

Природа всегда сильно действует на русскую душу, и мне случалось видеть даже генералов, военных и штатских, пришедших в истинный восторг от какого-нибудь прекрасного пейзажа, водопада или горы; но одна природа удовлетворить вполне человека не может. Идиллия – идиллией, а генерал остается генералом.

«Из-за границы. Письмо первое»

Один рецензент пошел еще дальше. По поводу некоторых статей о переводах «Нови» - появившихся за границей, он произнес следующее изречение: «Пускай иностранцы о нем статьи пишут; а мы даже плюнуть на него не хотим». Экая скупость, подумаешь!

«Предисловие (к собранию романов в издании 1880 г.)»